

СЛЕПОЙ

1

К. проснулся ночью, вернее, ранним утром, от неприятного звука: на улице кто-то жалобно кричал. К. полежал немного с открытыми глазами, прислушиваясь к странному крику и борясь с нежеланием встать, потом нехотя поднялся, надел очки и подошел к окну. Отдернув занавеску, он, щурясь, стал вглядываться в сероватую предрассветную полумглу летнего утра. Зрение у К. было неважное.

Метрах в двадцати от дома, на пустыре, в зарослях бурьяна что-то двигалось, какое-то мутное пятно (К. был большой специалист по мутным пятнам: он умел почти безошибочно издалека узнавать знакомых людей по характерным движениям, походке, еще по каким-то едва уловимым приметам)... в котором К. почти сразу же узнал слепого, из соседнего дома.

«Какого хрена он там делает, заблудился, что ли?!» — с раздражением подумал К. Он еще несколько минут постоял у окна, в надежде, что кто-нибудь из соседей придет на помощь слепому, потом, матерясь про себя, быстро оделся и вышел во двор.

Слепой, услышав стук дверей, сразу же обернулся и побрел в сторону К., не переставая жалобно кричать: «Эй, люди, кто там?! Помогите!.. Люди!»

Подойдя к слепому, К. громко спросил:

— Что случилось? Вам нужна помощь?

Слепой перестал кричать; он дрожал всем телом и, глядя куда-то мимо К. своими страшными, невидящими глазами, протягивал вперед руку.

— Вас домой отвести? — спросил К.

Слепой, не отвечая, сделал шаг в его сторону. К. с ужасом наблюдал, как дрожащая, грязная рука тянется к его груди; поборов отращение, он осторожно дотронулся до нее. В ту же секунду сухонь-

кая ручонка слепого мертвой хваткой вцепилась ему в запястье. К. вздрогнул: ощущение было не из приятных...

Он повторил вопрос.

— Нет!.. — жалобно запричитал слепой. — Нет! Мне нужно туда, где люди!..

— Куда?.. — озадаченно спросил К.

— Люди!.. люди!.. — с раздражением ответил слепой.

— Какие люди?.. сейчас четыре часа утра... — удивился К., и вдруг понял, что влип.

Отведу на остановку, а там пусть сам ищет своих людей, решил К.

— Пойдемте, — сказал он слепому. Тот ничего не ответил, лишь сильнее вцепился ему в запястье.

К. медленно пошел в сторону автобусной остановки, слепой, держась за его руку и неуверенно ступая, побрел следом за ним, вернее даже, рядом с ним. Слишком рядом.

От слепого плохо пахло.

К. с досадой подумал о том, что не запер дверь, что второпях оделся как попало (он никогда не выходил в город небрежно одетым). Ладно, успокаивал он себя, еще слишком рано, на улице, вероятно, еще никого нет, отведу побыстрее — и вернусь.

Он не сводил со слепого глаз: внимательно следил, как бы тот не запнулся (тротуары в их районе последний раз клали, кажется, еще при советской власти).

Слепой все еще дрожал, то ли от нервного возбуждения, то ли от холода. На улице было по-утреннему прохладно, а одет слепой был легко: рубаха с расстегнутым воротом на голое тело, замызганные штаны без ремня, облепленные репейником, и сандалии на босу ногу (одежду явно никогда не стирали). К запястью слепого был примотан полиэтиленовый пакет с кусками хлеба, а может, с сухарями (К. не разглядел). Интересно, подумал К., слепой сам примотал пакет или это сделал кто-то другой?..

У слепого была грязная шея. Таких грязных шей К. не видел никогда в жизни. Денег бы ему дать, подумал он, да у меня с собой нет.

К. одновременно ощущал два чувства: жалость и брезгливость. Говорить не хотелось. Слепой тоже молчал. Кажется, он начинал понемногу успокаиваться: дрожь в его теле стихала, а на худой, грязной мордашке с редкой седой бородашкой появилось почти довольное выражение.

А вот К., напротив, все больше начинал беспокоиться. На автобусной остановке, к которой они медленно подходили, не было ни души. По дороге проносились редкие автомобили. Общественный транспорт еще не ходил. Нужно было как-то избавляться от слепого.

— Все, пришли, — громко сказал К., останавливаясь.

— Я не слышу людей, — капризно проворчал слепой.

— Скоро появятся, — ответил К., — на работу поедут.

Он постоял минут десять, нервно оглядываясь по сторонам. Слепой не думал отпустить его руку.

— Мне нужно идти, — сказал, наконец, К.

Лицо слепого изменилось. Руку он сжал еще сильнее.

Влип, еще раз подумал К.

Спасли дворники. Они появились неожиданно, вынырнув откуда-то из-за кустов, и сразу же принялись мести остановку. Тетка в синем халате и придурковатого вида парень. Вероятно, сын, подумал К.

Слепой повернул голову в их сторону и стал прислушиваться к шуршанию метел.

— Автобусы еще не ходят! — крикнула тетка.

— Пойдемте сядем, — сказал К., — мы мешаем мести.

Он подвел слепого к скамье и сел сам. Слепой, не отпуская его руку, потрогал скамью и примостился рядом. Странно, что у него нет палки, подумал К., наверное, он недавно ослеп.

Парень перестал мести и молча уставился на слепого. Вероятно, дебил, подумал К. Тетка подошла к парню и хлопнула его черенком метлы по заду. Точно, сын, сделал вывод К. Еще он решил, что пора, наконец, сваливать.

— Все, я пойду, — сказал К., — людей я вам нашел.

Слепой весь сжался, на его лице читалась паника. Свою руку К. пришлось почти вырвать из цепкой хватки слепого.

К., не оглядываясь, бросился домой. Такого смятения он уже давно не испытывал: стыд, гнев и отвращение к себе просто затопили его.

Придя домой, К. тщательно вымыл руки с мылом, особенно ту, за которую держался слепой. Он твердо решил как можно скорее выбросить из головы это происшествие.

Прошло два дня. Слепого К. больше не видел, но и ни на минуту не забывал о нем. Вконец измучившись, он пошел поговорить с соседом.

— Почему слепого не заберут куда-нибудь, например, в специальный интернат или в Дом инвалидов, на худой конец?.. — спросил он.

— А кому он, на хрен, нужен!.. — огрызнулся сосед.

— И что, у него вообще никого нет? — продолжил К.

— Есть, наверное, — ответил сосед, — вот сдохнет — сразу наследники объявятся...

В общем, сосед ничуть не успокоил его.

Впоследствии К. несколько раз издали видел слепого: тот либо стоял один, держась за забор, возле своего дома, либо брел, держась за чью-нибудь руку (слепой был все в той же одежде и без палки). И всякий раз К. испытывал знакомое чувство стыда и омерзения к себе.

Потом слепой перестал попадаться ему на глаза.

А примерно через полгода в квартиру слепого въехала какая-то молодая семья. Куда пропал слепой, никто не знал.

2

К. нравилась его одинокая, спокойная жизнь. Ему даже нравилось стареть: многое становилось необязательным. Не нужно было больше создавать семью, воспитывать детей (когда-то он был женат, давно, в прошлой жизни; и у него была уже взрослая дочь, которая сама его часто воспитывала), даже делать карьеру и чего-то добиваться было не обязательно — можно было просто жить: размышлять, созерцать, читать.

Вот только глаза...

К. катастрофически терял зрение: правый глаз уже видел очень плохо и левый двигался в том же направлении. Врачи не давали никаких внятных рецептов, вернее, однажды ему посоветовали съездить в известную московскую клинику, попытаться счастья, правда, без особых гарантий обрести нормальное зрение, и к тому же на операцию нужны были немалые деньги. Таких денег у К. не было. И в принципе не могло быть. (А еще ему не нравилось слово «операция».)

Без зрения моя жизнь превратится в ничто, с горечью думал он. И это было сушей правдой.

К. был книгочей, «читарь», как называл его когда-то отец.

Однажды — ему тогда было сорок три года — он ради интереса подсчитал, что, если даже он читает всего лишь час в день, то, отбросив два года армии (хотя он там тоже читал) и пять лет младенчества (по семейному преданию, К. читать начал в пять лет), получалось, что он провел за чтением 13140 часов, или полтора года своей жизни.

Ему уже было давно не сорок три, и читал он не по часу в день, а гораздо больше. Вот почему я теряю зрение, размышлял К., за все в жизни нужно платить.

Он попробовал делать гимнастику для глаз (о ней К. узнал в интернете). Гимнастика не помогала (только отнимала время на чтение), но вселяла надежду, а это уже немало. К. старательно убеждал себя: я сорок минут в день делаю гимнастику, для того чтобы два часа в день читать.

Он накупил изрядное количество аудиокниг, останавливая свой выбор на любимых произведениях, а также на тех, что не читал. Попробовал слушать. Ему не понравилось. Это было совсем не то, что он любил. Вряд ли это вообще можно было назвать чтением. Он сложил все аудиокниги в шкаф. Пусть лежат, сказал он себе, нужно быть готовым к самому худшему.

Он даже провел эксперимент: попробовал целый вечер прожить с завязанными глазами. Ему необходимо было понять, что это такое — быть слепым. Результаты эксперимента заставили К. еще усерднее взяться за глазную гимнастику.

Впрочем, все это не мешало К. с иронией относиться к своей проблеме. Одноглазый Джо — так он называл себя. Иногда ему приходили на ум другие, более благородные персонажи, тоже одноглазые: Иммануил Кант, например, или Сартр, — но Одноглазый Джо ему был все-таки ближе.

Ремизов, мой любимый писатель, в старости почти ослеп, ни хрена не видел, думал он, чем я лучше?.. А Борхес, так тот был совершенно слепым...

Но за Борхесом ухаживали. Сама мысль стать кому-то обузой была нестерпима К.

Он тщательно скрывал (насколько это было возможно) проблемы со зрением на работе — и это притом, что она была связана с компьютером. Если мой работодатель узнает, что я слеп, как крот, меня выгонят, как собаку, думал К. Впрочем, он прекрасно понимал, что рано или поздно ему придется сменить работу.

Я еще не готов стать каким-нибудь там вахтером, думал он. Хотя, кому нужен слепой вахтер, кому вообще нужен слепой работник...

Однажды К. слушал по телевизору передачу о животных (он теперь чаще слушал), диктор, рассказывая о носорогах, произнес: «Спешка при плохом зрении — большая проблема...» О, это про меня, оживился К., я тоже постоянно все сшибаю. А еще он регулярно промахивался при рукопожатии, наступал в глубокие лужи, приняв их за ровный асфальт, больно ударялся обо все, обо что только можно было удариться, терял и не мог найти нужные вещи, не видел номеров транспорта (и при этом стеснялся спросить), его глаза часто слезились, болели и не выносили яркого света, а самое главное — у К. начались проблемы с чтением: он, по сути дела, читал теперь одним глазом, практически уткнувшись этим глазом в книгу.

Ничего, успокаивал себя К., бывает и хуже.

У него в Сибири был друг А., инвалид с детства по зрению, такой же чокнутый книжечей, — тот читал точно так же, уткнувшись носом в текст.

Каково А., думал К., он с детства так живет... Так что, мне, пожалуй, грех жаловаться... лишь бы не стало хуже.

Как-то раз зимним вечером К. выходил с покупками из магазина. Его кто-то окликнул: «Помогите, пожалуйста, дойти до остановки, я плохо вижу...» Разумеется, К. помог, протянул пожилому мужчине с палочкой свою руку и медленно повел его к автобусной остановке. К. уже умел это делать.

Слепому, видимо, хотелось поговорить:

— Хорошее у нас правительство, — ни с того ни с сего вдруг сказал он, — пенсии вот нам дает...

К. промолчал. Меньше всего ему хотелось разговаривать о правительстве.

Тротуар был завален грязной снежной кашей. Слепой недовольно пробурчал:

— Раньше все это лопатами убирали...

— Раньше дворники были, — ответил К. (А теперь хорошее правительство, подумал он.)

От слепого плохо пахло. (От меня тоже будет, подумал К. А может, и нет...)

Идти вдвоем по плохо освещенному, засыпанному рыхлым снегом тротуару было совсем непросто. К. вдруг с удивлением почув-

ствовал, что это вовсе не он ведет слепого, а слепой, выбирая, где меньше снега, тащит его к остановке. Слепой, кажется, видел лучше К., ну или, во всяком случае, не хуже.

Наконец, слепому надоело тащить К., он отпустил его руку и, не скрывая раздражения, сказал:

— Ну, ладно, дальше я сам...

Слепой ушел в темноту, а К. остался стоять посреди тротуара, заваленного грязным снегом.

Ему вдруг захотелось завывать от страха, тоски и отчаяния. Он бы и завыл, если бы знал, что его никто не услышит.

